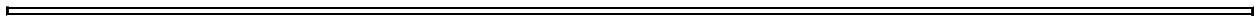

- Лайон Спрэг Де Камп, Лин Картер

- -

- -

Лайон Спрэг Де Камп, Лин Картер

Башня слона

...Легенды утверждают, что самый великий воин Гиборейской эры — по словам немедийского летописца, "ногами, обутыми в грубые сандалии, попирал украшенные самоцветами престолы королей" — появился на свет на поле боя, и этим была определена его дальнейшая судьба. Это было вполне вероятно, ибо киммерийские женщины владели оружием не хуже мужчин, и не исключено, что мать Конана, носившая его под сердцем, устремилась в бой, отражая нападение ванов — извечных врагов киммерийцев.

Так или иначе, доподлинно известно, что все его детство было связано с войнами, почти беспрерывно бушевавшими между киммерийскими кланами. Унаследовав от отца — известного кузнеца — богатырскую стать, он участвовал в битвах с того момента, когда впервые смог удержать в руках меч. Ему еще не было пятнадцати лет, когда объединившиеся племена киммерийцев штурмовали и сожгли пограничный город Венариум, возведенный аквилонцами на временно захваченной ими киммерийской территории. Конан был одним из первых ворвавшихся тогда в крепость. С тех пор его имя все чаще вспоминали у костров соплеменников и на советах старейшин. Однако, через некоторое время после штурма Венариума, Конан попал в плен к гиперборейцам, бежал, а потом, вместо того, чтобы вернуться на родину предков, отправился странствовать на юг. На его пути оказался Аренжун — известный Город Воров, где и началась его карьера профессионального вора и грабителя...

Тусклый свет факелов с трудом пробивался в узкие улочки квартала Мауль, где до утра пили и веселились воры и разбойники, собравшиеся здесь со всего города. Тут они могли отвести душу — порядочные горожане обходили квартал стороной, а ночная стража, щедро подкупленная кровавыми деньгами, не вмешивалась в темные дела. Из угрюмых закоулков то и дело доносились женский смех, шум пьяной драки или звон клинков. Из открытых окон и дверей бесчисленных притонов тянуло кислым запахом дешевого вина и потных тел, слышался грохот кулаков и кружек по крепко сколоченным деревянным столам. В одном из таких притонов под низким бревенчатым потолком пировали проходимцы всех

мастей: мелкие воришки, ловкие похитители женщин, опытные карманные воры, хвастливые забияки со своими девками. Большинство их было местного происхождения смуглыми, черноглазыми заморийцами с острыми кинжалами за поясами и вероломными душами. Хватало и чужестранцев, пришедших в Аренжун из далеких, полулегендарных стран.

Среди них был могучий молчаливый великан, изгнаник-гипербореец с широкой саблей у пояса — в Мауле оружие носили в открытую. Был здесь и шемит-фальшивомонетчик с крюковатым носом и курчавой черной бородой. На коленях светловолосого гундерца-наемника и бродяги, дезертировавшего из какой-то разбитой армии, сидела бритунская проститутка. Толстый веселый головорез, пользовавшийся огромным успехом у окружающих своими сальными щутками был профессиональным похитителем женщин, приехавшим в Замору из дикого Котха, чтобы продемонстрировать здесь свое искусство. К несчастью он не знал, что в этой стране грудные дети разбирались в таких вещах лучше чем он, обучавшийся своему ремеслу всю жизнь. Вот он, устав описывать прелести очередной девушки, намеченной для похищения, приложился жирными губами к огромной кружке пенящегося пива. Сделав глоток и смахнув пену с губ, толстяк заговорил снова:

— Клянусь Белом, богом всех воров и разбойников, Я покажу им, как надо красть женщин. Еще до рассвета я увезу ее к границам Заморы, а там меня уже давно ждет караван. Король Офира обещал мне триста серебряных слитков за молодую ядреную бритунку благородных кровей. Сколько я скитался, переодетый в нищего по пограничным городам, выискивая подходящую девушку! И наконец нашел настоящую красавицу!

Он сладострастно причмокнул губами.

— Мне известно немало людей в Шеме, которые не сменяли бы ее даже на тайну Башни Слон, — закончил котхиец, возвращаясь к своему пиву.

Кто-то потянул его за рукав, и толстяк повернул голову, грозно нахмурив брови. Рядом стоял высокий, атлетически сложенный юноша. Незнакомец выделялся среди местной публики как матерый волк в стае дворняжек. Дешевая туника скорее подчеркивала, чем скрывала его могучие мускулы, тесно обтягивая широкие плечи и мощный торс. С загорелого до черноты лица сквозь упавшую на лоб черную прядь волос пронизательно смотрели голубые глаза. У пояса юноши висел длинный меч в потертых ножнах. Котхиец невольно отшатнулся — до сих пор ему не приходилось встречать людей такого типа.

— Ты говорил о Башне Слона, — произнес чужак с сильным, твердым

акцентом. — Я много слышал о ней. Что за тайна кроется в этой башне?

В поведении юноши не чувствовалось ничего угрожающего, а выпитое пиво и поддержка слушателей добавили котхийцу смелости — его прямо распирало желание выговориться, убежденность в собственной значимости росла в нем с каждой минутой.

— Тайна Башни Слона? — переспросил он. — Да ведь любой ребенок знает, что в этой башне живет маг Яра, владеющий огромным драгоценным камнем, — его еще называют Сердцем Слона, и в этом колдовском камне заключены его сила и могущество.

Варвар на секунду задумался.

— Я видел эту башню, — сказал он наконец. — Она стоит в саду, сад окружен высокой стеной. Стражи там, вроде, нет, а перелезть через стену нетрудно. Так почему же до сих пор никто не стащил этот камень?

Котхиец разинул рот, пораженный простодушием собеседника и захотел издевательским смехом, к которому присоединились все присутствующие.

— Да вы только послушайте, — проревел сквозь смех толстяк. — Он хочет украсть алмаз Яры! Послушай, парень, — обратился он к пришельцу, — ты, судя по всему, из какого-то варварского племени Севера...

— Я киммериец, — холодно ответил юноша. И ответ, и тон, которым были произнесены эти слова, мало о чем сказали котхийцу, уроженцу далекого южного королевства на границе с Шемом.

— Ну так раскрой уши и внимательно слушай, приятель, — сказал он, тыча кружкой в грудь нахмутившегося северянина. — Если бы простой смертный мог украсть камень, поверь мне — его давно бы уже украдли. Ты говоришь перелезть через стену. Перелезть можно, да только боюсь, когда ты перелезешь, то сразу попросишься обратно. Верно, в саду нет стражи, вернее — люди там не сторожат, но в самой Башне, в караульном помещении, расположенном в нижней ее части, людей хватает. И даже если отобьешься от зверей, которых на ночь выпускают в сад, придется с боем прорываться в верхнюю часть башни, ибо алмаз спрятан где-то там.

— Но если уж попал в сад, — настаивал киммериец, — то почему бы не попробовать попасть в башню сверху?

У котхийца от такой наглости отвисла челюсть.

— Нет, вы только послушайте! — воскликнул он насмешливо. — Вы посмотрите на этого орла, который собирается вспорхнуть на башню высотой в девяносто локтей. Или, может быть, ты — муха и вскарабкаешься по отполированной стене?

Сконфуженный киммериец гневно оглянулся, когда гуляки,

внимательно следившие за разговором, одобрительно захохотали в ответ на последнее замечание. Он не видел ничего смешного, и до него, еще не совсем освоившегося с манерами цивилизованных людей, не доходило, что смеялись именно над ним. Кстати, цивилизованные люди, как правило, позволяют себе вольности, заведомо больше, чем дикари только потому, что для них уже не существует опасности заплатить за неосторожное слово раскроенным черепом. Смущившийся юноша, скорее всего, тихо отошел бы в сторону, но котхиец уже вошел во вкус.

— Так как? — крикнул он. — Расскажи-ка нам, глупцам, которые воровали еще тогда, когда тебя на свете не было, как бы ты украл алмаз?

— Смелчак всегда найдет способ, — коротко ответил рассерженный киммериец.

Котхиец воспринял это как личное оскорбление. Он побагровел от гнева.

— Что? — заорал он. — Ты еще смеешь обвинять нас в трусости? А ну марш отсюда, чтобы мои глаза тебя здесь не видели!

Выкрикнув эти слова, он резко толкнул киммерийца.

— Ах, ты так! — скрежетнул зубами варвар и отвесил обидчику изрядную оплеуху, повалившую того на стол. Из кружек полилось на пол пиво, а взбешенный котхиец схватился за меч.

— Ах ты, собака, — заревел он. — Да я из тебя сейчас сердце вырву!

Засверкала сталь, зеваки бросились к выходу. Кто-то из них, убегая, сбросил на пол единственную свечу и все вокруг погрузилось во мрак. Слышался только топот ног, треск ломающихся столов и лавок, проклятия сталкивающихся людей. Пронзительный крик, завершившийся хрипом агонии, словно ножом обрезал галдеж. Когда наконец снова зажгли свет, оказалось, что большинство гуляк успело выскочить наружу через выбитые окна и двери, а те, кто остались, попрятались под столами и за винными бочками. Лишь толстый котхиец тихо лежал в середине зала. Он был мертв — меч киммерийца нашел его и во мраке.

Мерцающий свет и пьяный гомон остались далеко позади. Киммериец сбросил порванную тунику, оставшись лишь в полотняной набедренной повязке и ременных сандалиях. Он двигался бесшумно, словно огромный кот, и под его бронзовой от загара кожей играли стальные мускулы. Квартал, где он шел, был кварталом храмов и святилищ неисчислимых богов Заморы. В слабом лунном свете белели огромные мраморные колонны, тускло поблескивало золото куполов и серебро высоких аркад. Юноша знал, что религия Заморы, как и многое другое у этого народа, была чрезвычайно запутанной, сложной и утратившей большую часть

своей сути в неясных определениях и предписаниях. Как-то раз он несколько часов слушал ученую дискуссию теологов и философов, уйдя оттуда с головной болью и глубоким убеждением, что у них у всех головы не в порядке.

Его собственная религия была простой и легкой для понимания — Кром, вождь богов, живет на вершине огромной горы, насылая оттуда на людей смерть и несчастья. Молиться ему бессмысленно, потому что он злой, дикий и мрачный и терпеть не может слабых и плаксивых людей. Однако, при рождении человека он наделяет его храбростью, волей и ненавистью к врагам, а большого, по искреннему убеждению киммерийца, и нельзя требовать ни от какого бога.

Варвар тихо ступал по мостовой. Стражи нигде не было видно — даже наиболее дерзкие воры никогда не забредали в квартал храмов, где таинственная бесшумная смерть молниеносно карала святотатца, осмелившегося посягнуть на святыни. Вот наконец, и Башня Слона. Юноша на секунду задумался, откуда взялось это странное название. Он никогда не видел слона, но смутно представлял себе некое огромное животное с хвостами спереди и сзади. Так во всяком случае рассказывал о слонах бродяга-шемит, клявшийся, что видел тысячи таких зверей в Гиркании. В Заморе же слонов не было. Стройная, строгой цилиндрической формы, гладкая колонна башни стрелой взмывала ввысь на девяносто локтей, упираясь в усеянное звездами небо, поблескивая усыпанной тысячами драгоценных камней верхушкой. У ее подножия на нескольких террасах раскинулся огромный сад, в котором во множестве росли плодовые деревья и экзотические кустарники. Сад окружала высокая стена, вторая, не менее высокая, отделяла Башню от сада.

Остановившись в густом кустарнике перед внешней стеной, киммериец поднял голову и посмотрел наверх. Высоко, но подпрыгнув, он достанет до ее края. Подтянуться на руках и перепрыгнуть через стену не составит труда, он не сомневался, что так же легко преодолеет и вторую, внутреннюю, стену. И все же он колебался, неведомая опасность, скрывающаяся в саду, смущала его. Он много слышал о тайнах западных королевств — Британии, Немедии и Аквилонии, но южане казались ему еще более загадочными и странными. Заморийцы были исключительно древним народом, и судя по тому, что он о них слышал, до сих пор поклонялись Злу.

Он подумал о Яре-жреце, живущем в этой усыпанной драгоценностями башне, и по его спине пробежали мурашки, когда он вспомнил то, что слышал как-то в таверне от пьяного царедворца. Тот

рассказал, как один из принцев, враждебно относившийся к Яре, преградил было тому дорогу. Маг рассмеялся ему в лицо, а затем протянув руку с камнем, излучавшим холодный свет, из которого ударило ослепительное пламя, охватившее несчастного. Принц пронзительно закричал и упал, превратившись в маленький черный комочек, который в свою очередь превратился в паука, бегавшего по комнате до тех пор, пока Яра не раздавил его каблуком. Маг постоянно жил в своей таинственной Башне, и если покидал ее, то лишь для того, чтобы навлечь злые чары на того или иного из своих врагов. Король Заморы боялся его хуже смерти и не в силах переносить этот ужас в трезвом виде, беспрерывно пил. Яра был очень стар — люди говорили, что он живет в Заморе уже многие сотни лет, и добавляли, что благодаря своему волшебному камню, называемому Сердцем Слона, будет жить вечно. Об этом камне никто ничего толком не знал, а название свое он получил по имени Башни, в которой хранился.

Внезапно какой-то новый звук долетел до ушей Конана, прервав его размышления и варвар прижался ухом к стене. По саду кто-то шел: отчетливо слышался топот и звяканье стали. Значит, в саду все-таки есть охрана! Киммериец напряженно вслушивался, пытаясь снова уловить звук шагов стражника, но безуспешно. За стеной царила глубокая тишина. В конце концов любопытство пересилило страх. Юноша подпрыгнул, ухватился за край стены, и легким движением бросил тело вверх. Распластавшись на широкой стене, он осторожно осмотрел то, что открылось его глазам. У стены ни единого кустика, хотя вдали маячат несколько аккуратно подстриженных крон. В полумраке зеленеет густая трава, где-то рядом шумит фонтан.

Киммериец спрыгнул вниз и вытащил меч, чутко оглядываясь по сторонам, готовый в любую минуту дать отпор врагу. Скользя вдоль стены и стараясь держаться в тени, он подобрался к деревьям, и чуть было не упал, зацепившись ногой за что-то лежащее в кустах. Быстро огляделся по сторонам и не заметив ничего подозрительного, он наклонился и внимательно осмотрел неожиданное препятствие. Даже в этом слабом свете нетрудно было узнать серебристые доспехи и гребенчатый шлем воина заморской королевской гвардии, неподвижно лежавшего на земле. Щит и копье валялись рядом. Конан бегло осмотрел труп, убедившись, что гвардеец был задушен и снова огляделся по сторонам. Было ясно, что только что он слышал шаги именно этого стражника. Несколько минут назад к его горлу протянулись чьи-то руки и бесшумно отправили на тот свет дюжего гвардейца.

Несмотря на густой мрак, киммериец, напрягая зрение, все же

заметил, как шевельнулась листва в зарослях. Крепко сжав рукоять меча, он метнулся в ту сторону. Хотя при этом он производил не больше шума, чем охотящаяся пантера, противник не дал застать себя врасплох. Конан успел заметить тень, притаившуюся у стены и с облегчением перевел дыхание — она принадлежала человеку. Незнакомец испуганно вскрикнул, мгновенно повернулся и метнулся к киммерийцу, намереваясь вцепиться ему в горло, но тут же застыл, увидев сверкающее в матовом лунном свете лезвие меча, направленное в его грудь.

Мгновение они стояли неподвижно, напряженно глядываясь друг в друга.

— Ты не из стражи, — шепнул незнакомец. — Ты такой же вор, как и я.

— Так кто же ты такой? — недоверчиво спросил киммериец.

— Я - Таурус из Немедии.

Конан опустил меч.

— Я слышал о тебе. Тебя называют королем воров.

В ответ послышался тихий смех. Таурус был примерно того же роста и телосложения, что и юный варвар, но отличался от него излишней полнотой, которая впрочем не мешала ему двигаться легко и бесшумно. На плече немедийца висел моток тонкой, но крепкой веревки, с завязанными на равных расстояниях узлами. Его блестящие глаза в упор смотрели на Конана.

— А ты кто такой?

— Конан-киммериец, — ответил тот. — Я хочу украсть алмаз Яры — тот, что называют Сердцем Слона.

Большое брюхо вора затряслось от едва сдерживаемого смеха, но Конан не почувствовал в этом издевки.

— Клянусь Белом, богом воров, я думал, что только у меня хватит смелости взяться за это дело. И эти заморийцы называют себя ворами, фи! Конан, мне нравится твоя наглость. До сих пор я всегда действовал в одиночку, но сейчас, если ты не против, я предлагаю добыть этот алмаз вместе.

— Так ты тоже пришел сюда за алмазом Яры?

— А за чем же еще? Я несколько месяцев готовился к этому, ты же, я вижу, действуешь по наитию, не так ли?

— Это ты убил стражника?

— Я, конечно. В тот самый момент, когда я лез через стену, он проходил по саду. Хотя я сразу спрятался в кустах, он успел что-то заметить. Когда он подошел поближе, спотыкаясь на каждом шагу, я

подкрался сзади, схватил его за шею и задушил. Он, как и большинство людей, совершенно не ориентировался в темноте. У настоящего вора глаза должны быть кошачьими.

— Ты допустил одну ошибку, — сказал Конан, — надо было оттащить тело подальше в кусты.

— Не волнуйся. До полуночи смены караула не будет. Если сейчас кто-то выйдет его искать и наткнется на тело, то побежит докладывать Яре, а мы успеем убежать. Если же они не найдут сразу, то начнут прочесывать сад и тогда нам не поздоровиться.

— Ты прав, — согласился киммериец.

— То-то же. Но мы только тратим время на эту дурацкую болтовню. Теперь слушай меня внимательно. Во внутреннем дворике караульных нет. То есть там нет людей, но вход сторожат создания более опасные, чем люди. Это из-за них я не решался идти на дело, пока, наконец, не нашел способа их перехитрить.

— А гвардейцы, которые сидят внизу, в Башне?

— Стариk Яра живет наверху. Надеюсь, мы сумеем туда попасть. Не спрашивай пока, как — есть один способ. Ворвемся туда, придушим колдуна — он и не пикнет. Придется рискнуть — может быть, превратимся в пауков или жаб, а может, добудем сказочные богатства и власть. Думаю, ставка стоит того, чтобы рискнуть.

— Пожалуй, ты опять прав, — сказал Конан, снимая сандалии.

— Тогда идем.

Таурус повернулся, подпрыгнул и, ухватившись за край стены, с удивительной для человека его сложения ловкостью, забрался наверх. Казалось, он мягко скользнул по стене. Конан последовал за ним.

— Света нигде не видно, — пробурчал киммериец, устраиваясь поудобнее на плоской верхушке стены.

Нижняя часть Башни ничем не отличалась от верхней — идеально гладкий цилиндр, лишенный малейших отверстий.

— Там есть и окна, и двери, но они прекрасно замаскированы, — ответил Таурус, — сейчас они все закрыты. Стражники дышат воздухом, который поступает в башню через верх.

Сад во внутреннем дворике походил на притаившийся в полумраке пруд, тени низких развесистых крон угрюмо ползали под звездным небом. Обострившиеся чувства предупреждали варвара о близкой опасности. Он чувствовал на себе обжигающий взгляд чьих-то невидимых глаз, а слабый запах, долетавший до ноздрей, вздыбил волосы на его голове, словно шерсть на затылке у пса, учゅявшего извечного врага.

— За мной! — шепнул Таурус. — Не отставай, если тебе дорога жизнь.

Вытащив из-за пояса что-то вроде медной трубки, немедиец тихо спрыгнул в траву во дворик. Конан последовал за ним, держа меч наготове и тут же шагнул вперед, но Таурус остановил его. Король воров взглядался в темневшие рядом с ним заросли, его большое тело выражало напряженное ожидание. Ветки кустов вдруг шелохнулись, хотя не было ни малейшего ветерка, во мраке зажглись два огромных угля, за ними виднелись еще несколько пар багровых огоньков.

— Львы! — прошептал киммериец.

— Да. Днем их держат в подвале. Вот почему во дворике нет стражи.

Конан поспешно пересчитал огоньки.

— Вижу пятерых, хотя здесь могут быть не все... Сейчас набросятся...

— Молчи! — прошипел Таурус и осторожно ступил вперед, подняв трубку.

Из зарослей донеслось тихое рычание и огоньки немного приблизились. Конану казалось, что он уже видит огромные разинутые пасти и длинные хвосты с кисточками на концах, хлещущие по поджарым бокам. Напряжение росло — киммериец поудобнее перехватил рукоять меча, готовясь к нападению чудовищ. И тут Таурус поднес трубку к губам и сильно дунул. Из трубы вырвалась длинная струя желтого порошка, сразу же превратившаяся в густое желто-зеленое облачко, накрывшее кусты и горевшие в них глаза хищников.

— Что это за дым? — неуверенно спросил Конан.

— Это смерть, — прошептал немедиец. — Если ветер подует в нашу сторону, то придется спасаться за стеной. На наше счастье, ветра пока нет и облако садится на кусты. Подождем, пока не осядет окончательно. Даже один-единственный вдох смертелен.

Еще несколько секунд в воздухе висели клочки желтоватого тумана, затем опали и они. Таурус жестом указал Конану, что пора идти. Когда они подкрались к кустам, Конан хмыкнул, увидев трупы пятерых мертвых львов, лежащие на траве. В воздухе стоял тяжелый сладковатый запах.

— Подошли, не издав ни звука, — прошептал изумленный варвар. — Таурус, что это за порошок?

— Это пыльца черного лотоса, который цветет только в глухих джунглях Кхитая. Эти цветы убивают всякого, кто к ним приблизится.

Конан нагнулся над мертвыми хищниками, проверяя, действительно ли они мертвы, и потряс головой — для него, северного варвара, все этоказалось колдовскими чарами.

— Почему бы тебе таким же образом не расправиться со стражей?

— У меня больше нет порошка. Уже одно то, как я его добыл, могло бы прославить мое имя среди воров всего мира. Я выкрад его из каравана, направлявшегося в Стигию, вытащил его из расшитого золотом мешочка, который охранялся огромным удавом... Но пойдем же, во имя Бела! Тратить время на болтовню безрассудно!

Когда они оказались у подножия блестящей Башни, Таурус снял с плеча моток веревки с завязанными по всей ее длине узлами и крепким стальным крюком на конце. Конан понял замысел немедийца и больше ни о чем его не спрашивал. Таурус перехватил конец веревки чуть пониже крюка и несколько раз крутанул им над головой, примериваясь. Конан прильнул ухом к стене Башни, прислушиваясь, но ничего не услышал. Судя по всему, для стражников, сидевших в Башне, появление в саду непрошеных гостей прошло незамеченным, но Конан ощущал в душе странное беспокойство — возможно, из-за стойкого запаха львиных тел, перекрывавшего все остальные запахи.

Таурус взмахнул мускулистой рукой, крюк взлетел вперед и вверх, скрывшись за краем Башни, усыпаным драгоценностями. Сначала осторожно, а затем изо всех сил подергав веревку, немедиец убедился в том, что крюк надежно застрял наверху.

— Везет же нам, с первого раза удалось, — пробормотал он. — Я...

Только первобытный инстинкт, заставивший варвара внезапно оглянуться, спас их от внезапной беззвучной смерти — за его спиной присела, готовясь к прыжку, огромная кошка. Ни один из, так называемых, цивилизованных людей, не смог бы отреагировать даже наполовину так быстро, как киммериец. Меч его сверкнул молнией и опустился, человек и зверь, сплетаясь в клубок, рухнули наземь.

Когда немедиец, тихо ругаясь сквозь зубы, наклонился над ними, его напарник шевельнулся, пытаясь выбраться из-под огромного тела. Приглядевшись, потрясенный Таурус увидел, что череп огромного льва разрублен чуть ли не пополам, и поспешил на помощь киммерийцу. Конан, шатаясь, поднялся на ноги, все еще сжимая в руке окровавленный меч.

— Ты ранен, дружище? — выдал Таурус, ошеломленный захватывающей дух сменой событий.

— Нет, клянусь Кромом, нет, — ответил варвар. — Но смерть была рядом. Странно, что эта проклятая бестия не издала ни звука.

— В этом саду хватает странностей, — сказал Таурус. — Львы нападают молча — и не только львы. Идем! Ты убил его очень тихо, но гвардейцы вполне могли что-то услышать, если, конечно, не спят вповалку пьяные. Этот лев бродил где-то на отшибе и избежал смерти от порошка,

но я уверен, что он был последним. Нам надо забраться на Башню по веревке — надеюсь, ты сумеешь сделать это?

— Лишь бы веревка выдержала, — сказал киммериец, вытирая меч о траву.

— Она выдержит троих, таких как ты, — успокоил его Таурус. — Ее сплели из волос мертвых женщин и вымочили в соке ужасного дерева упас для придания ей прочности. Я пойду первым, а ты следуй за мной.

Немедиец взялся за веревку, пропустил ее под колено и начал подниматься. Несмотря на его толщину, он взбирался по веревке легко, словно обезьяна. Конан не отставал от него ни на пядь. Веревка крутилась и раскачивалась, но ворам это не мешало — обоим приходилось лазить по веревке в гораздо более трудных условиях. Высоко над ними поблескивал алмазами край Башни, слегка выдающийся над стеной, так что веревка висела свободно, что облегчало подъем.

Они поднимались все выше и выше. Внизу разворачивалась панорама ночного города, а звезды над головой тускнели по мере того, как они приближались к сверкающей кромке башни. Наконец Таурус протянул руку, схватился за край и вскарабкался наверх, протиснувшись между зубцами. Конан на секунду остановился, завороженный блеском мерцающих драгоценных камней: алмазов, рубинов, сапфиров и изумрудов, торчавших из гладкого серебра стены. Издалека этот блеск казался однородным, но вблизи камни переливались неисчислимymi оттенками, притягивая жадный взгляд киммерийца.

— Это же невероятное богатство, Таурус, — шепнул он, но немедиец нетерпеливо поторопил его:

— Идем! Все это будет нашим, если мы добудем Сердце!

Конан перелез через сверкающую кромку. Плоская крыша Башни Слона располагалась на несколько локтей ниже инкрустированного выступа, она была покрыта какой-то темно-голубой субстанцией и выложена золотом так, что в целом походила на сапфир, обсыпанный блестящим золотым песком. На противоположном конце крыши стояло невысокое прямоугольное строение. Его стены были возведены из того же материала, что и стены Башни, только драгоценностей в них было поменьше. В одной из стен он заметил золотую дверь с резной чешуйчатой поверхностью, инкрустованную все теми же холодно блестящими кристаллами.

Конан бросил взгляд на раскинувшееся внизу пульсирующее море света и посмотрел на Тауруса. Немедиец вытаскивал веревку. Он показал киммерийцу, где зацепился крюк — лишь краешком закаленного жала под

одним из алмазов.

— Опять нам повезло, — прошептал он. — Крюк чудом не вырвался под тяжестью наших тел. Идем, сейчас начнутся настоящие испытания. Мы в логове чудовища и понятия не имеем, где оно скрывается.

По-кошачьи бесшумно они подошли к золотой двери. Таурус легко и осторожно толкнул ее. Дверь услужливо распахнулась и компаньоны, готовые к любым неожиданностям, заглянули внутрь. Конан, смотревший через плечо товарища, увидел комнату со стенами, выложенными от пола до потолка большими ярко светящимися камнями. Других источников света заметно не было.

— А ну-ка, дружище, — прошипел Таурус, — вернись к краю Башни и посмотри вокруг. Если увидишь, что стражники крутятся по саду или еще что-нибудь подозрительное, дашь мне знать. Я подожду тебя в этой комнате.

Конан не увидел в этом особого смысла и в нем зародилось неясное подозрение, но все же он послушался товарища. Немедиец скользнул за дверь и закрыл ее за собой. Конан несколько минут напряженно изучал сад, лежавший у подножия Башни, и, не заметив ничего подозрительного, вернулся назад. Когда он подходил к двери, из-за нее послышался сдавленный крик. Конан прыгнул вперед, в тот же момент дверь распахнулась и на пороге, в ореоле холодного света появился Таурус. Он пошатнулся, открыл рот, но оттуда вырвался лишь хриплый стон. Немедиец, судорожно цепляясь за дверную раму, сделал еще один шаг и упал навзничь, схватившись рукой за горло. Дверь за ним сама собой закрылась. За эти короткие секунды Конан не успел заметить в комнате ничего особенного, разве что какая-то тень скользнула по блестящему полу, если только это ему не почудилось.

Киммериец нагнулся над компаньоном. Таурус лежал с выпученными пустыми глазами, в которых читалось огромное удивление, руками он сжимал горло. На губах его появилась пена, в горле забулькало и немедиец испустил дух на руках изумленного варвара. Конан настороженно посмотрел на золотые двери. В этой пустой комнате со стенами, инкрустированными мигающими камнями, смерть настигла короля воров внезапно и беззвучно, словно лев, напавший на них у подножия Башни. Конан чувствовал, что Таурус погиб, так и не увидев виновника своей страшной смерти.

Киммериец осторожно провел рукой по полуголому телу компаньона, отыскивая рану. Он нашупал ее высоко между лопатками, почти у основания шеи — три маленькие ссадины, словно кто-то провел по телу

когтями. Края ран почернели, от них несло гнилью.

"Отравленные стрелы? — подумал Конан. — Но куда же они тогда подевались?"

Он осторожно подошел к резной двери, пинком отворил ее и заглянул. Комната, освещенная холодным пульсирующим блеском многих тысяч драгоценных камней, зияла пустотой. Краем глаза он заметил на своде, в самом его центре, странный орнамент — черный восьмиугольник с выступающими из него четырьмя камнями, пылавшими мрачным алым пламенем, резко отличавшимся от того мягкого света, что излучался стенами и потолком. На противоположной от входа стене была еще одна дверь — похожая на первую, но без излишних украшений. Не оттуда ли ударила смерть, и не туда ли она скрылась, разделавшись с жертвой?

Конан вошел в комнату, закрыв за собой дверь. Его босые ноги бесшумно ступали по гладкому полу. В комнате не было ни столов, ни лавок, лишь четыре софы, накрытые расшитыми золотом покрывалами и разукрашенными странными выющими узорами, стояли у стен, да рядом с ними возвышались несколько сундуков, обитых серебром. На некоторых из них висели солидной величины замки, Крышки других были откинуты, являемые глазам изумленного варвара груды великолепных алмазов. Конан вполголоса выругался — в эту ночь он увидел сокровищ больше, чем ему когда-либо снилось в самых смелых снах.

Он как раз добрался до середины комнаты и медленно шел дальше, чутко вслушиваясь в тишину, когда смерть ударила снова. И только инстинкт, заставивший его увернуться от мелькнувшей по полу тени, спас Конана от верной гибели. Над его головой пролетело черное волосатое чудовище, щелкнув покрытыми пеной челюстями и на голое плечо капнуло что-то обжигавшее, подобно каплям жидкого огня. Отскочив в сторону, он увидел как монстр упал на пол, перевернулся и с невероятной скоростью перебирая голенастыми ногами побежал к нему. Гигантский черный паук мчался к Конану, роняя капли яда с отвратительных мощных челюстей, зловеще мигая четырьмя горящими глазищами, в глубине которых таился острый нечеловеческий ум.

"Так вот кто спрыгнул на шею немедийца, отправив его на тот свет. Какими же мы были глупцами, не подумав о том, что Башню может охранять нечто более грозное, чем стражи", — подумал Конан.

Варвар высоко подпрыгнул и чудовище с разбега проскочило под ним, развернулось и ударило снова. На этот раз киммериец прыгнул в сторону и с размаху ударил мечем. Тяжелое лезвие отрубило одну из толстых волосатых ног, и снова Конан с трудом избежал укуса ядовитых челюстей.

Монстр пробежал по стене и притаился под потолком, злобно поглядывая на человека багровыми глазами. И вдруг прыгнул, разматывая за собой нить серой паутины. Конан разгадал план врага и со всех ног рванулся к двери, но паук оказался быстрее. Липкая нить протянулась поперек входа, преграждая путь. Конан не решился ударить по ней мечом, опасаясь, что лезвие прилипнет к ней, и пока он будет его освобождать, чудовище сможет вонзить в него свои клыки.

Начался яростный поединок — ум и ловкость человека против хитрости и неутомимости чудовища. Паук уже не нападал на Конана, а только быстро бегал по стенам и потолку, стараясь опутать врага липкой паутиной. Паутина была толщиной с добрую веревку, и Конан знал, что если попадется в нее, то всей его силы окажется недостаточно, чтобы вырваться и отразить атаку монстра.

Поединок происходил в абсолютной тишине, прерываемой лишь звуками дыхания человека и шуршания по полу его босых ног, да сухим щелканьем челюстей ужасного стражи комнаты. Серые шнурья паутины лежали кольцами на полу, свисали со стен и потолка, длинными гирляндами опадали на сундуки с сокровищами. Быстрые глаза и стальные мускулы пока спасали Конана, но липкие петли окружали его уже так тесно, что он чувствовал их близость всем своим нагим телом. Он понимал, что не сможет увертываться так до бесконечности, рано или поздно липкая веревка обовьется вокруг его ног словно удав, и он, подобно беспомощной мухе, окажется в руках паука.

Волосатое чудовище мчалось по полу, за ним тянулся серый шнур. Конан прыгнул вверх, на софу, но чудовище, предугадывая его замысел, резко повернулось и побежало по стене, толстая паутина, как живая, охватила щиколотки киммерийца. Он упал навзничь, отчаянно извиваясь, пытаясь освободиться из затягивающейся петли. Черный паук устремился вниз, чтобы покончить с противником. Доведенный до бешенства варвар схватил один из сундуков с сокровищами и изо всех сил швырнул его в паука. Необычный снаряд с жутким хрустом врезался в середину отвратительного тела. Брызнула кровь и зеленая слизь. Раздавленное чудовище свалилось на пол вместе с разбитым вдребезги сундуком. Ужасная bestия лежала на груде драгоценных камней, и ее багровые глаза медленно гасли.

Конан огляделся по сторонам, и нигде не обнаружив нового противника, попытался снять с себя паутину. Клейкая нить прилипала к пальцам, но в конце концов ему удалось избавиться от нее. Он поднял меч, который обронил при падении, и осторожно ступая, чтобы не задеть

лежащую на полу паутину, подошел к двери в глубине комнаты. Юноша не знал, что ждет его за ней, но возбужденный победой над гигантским пауком, решил, что если уж он преодолел столько преград, то нужно довести дело до конца. Кроме того, что-то ему подсказывало, что алмаз, за которым он сюда пришел, нет смысла искать в куче небрежно рассыпанных сокровищ на полу, залитой мерцающим светом комнаты. Конан сорвал серую паутину, преграждавшую путь к двери, и убедился, что и эта дверь, как и предыдущая, не заперта на замок. Он вспомнил о стражниках. Они, по-видимому, все еще не подозревали о том, что он проник в Башню. Стражники сидели где-то внизу и, кроме того, если верить тому, что рассказывали о Башне, странные звуки, доносившиеся сверху, их не удивляли. Он подумал о Яре и эта мысль лишила его изрядной доли самоуверенности, с которой он начал было открывать дверь. Однако, за дверью, оказалась лишь вереница серебряных ступеней, тускло освещенных падавшим неизвестно откуда светом.

Ступени вели куда-то вниз. Конан спускался по лестнице, держа меч наготове и напряженно прислушиваясь, но до его ушей не долетало ни единого звука. Наконец, он добрался до двери из слоновой кости, украшенной сердоликами. Киммериец остановился перед нею и снова прислушался, но до его ушей не донеслось ни малейшего звука. Лишь тонкие струйки дыма выбивались из-под двери, дразня ноздри киммерийца незнакомым, экзотическим запахом. Крутая лестница спускалась дальше вниз, скрываясь во мраке. Конаном овладело странное чувство: ему показалось, что он — единственное живое существо в этой башне, населенной лишь духами да призраками.

Двухстворчатая дверь бесшумно отворилась от легкого толчка, и варвар осторожно ступил на сверкающий порог, готовый подобно волку, в любую секунду отбить атаку, или убежать, если противник окажется намного сильнее. Глазам его открылась большая комната с позолоченным куполообразным сводом. Стены ее были выложены зеленым нефритом, а пол из слоновой кости покрывали толстые ковры. Из подвешенной на золотом треножнике кадильницы курился пахнущий дымок, за ней на мраморном постаменте возвышался некий странный идол. Конан удивленно осмотрел его со всех сторон: тело этого непонятного существа напоминало человеческое, хотя кожа имела зеленоватый оттенок, но непропорционально большая голова совершенно не была похожа на человеческую, такая могла присниться лишь в страшном сне. Киммерийцу бросились в глаза широкие вислые уши и гибкий хобот, по обеим сторонам которого торчали большие белые бивни с золотыми шариками на концах.

Глаза уродца были закрыты — казалось, он спал.

"Так вот почему логово Яры называют Башней Слона! — подумал Конан. Действительно, голова идола напоминала голову описанного бродягой-шемитом животного. — Так вот, каков бог Яры! Но если это так, то где же еще быть Сердцу Слона, как не в этой статуе?" — Конан, не отрывая глаза от идола, шагнул вперед. И вдруг он увидел, как веки на глазах уродца шевельнулись. Киммериец замер. — "Это не статуя — это живое существо! Я в ловушке!" — мелькнуло в его голове.

Хобот чудовища настороженно поднялся вверх, но взгляд его открывшихся глаз остался пустым. Варвар понял, что монстр слеп, и это открытие вернуло ему способность к действиям — он стал медленно отступать к двери. Но чудовище уже услышало его, оно дернуло хоботом и что-то пробубнило глухим монотонным голосом. Охваченный ужасом киммериец понял, что горло этого невероятного существа не было приспособлено для человеческой речи.

— Кто ты? Ты опять пришел пытать меня, Яра? Неужели этому никогда не будет конца? Когда же ты, наконец, перестанешь меня мучить?

Из глаз слепца потекли слезы, и Конан, внимательно приглядевшись к телу, покоившемуся на мраморном ложе, заметил на нем следы жестоких пыток. Жалкий вид исхудалого тела, некогда, вероятно, столь же сильного и ловкого, как и его собственное, пробудил в нем сострадание, хотя это чувство было совершенно не свойственно его натуре. Он не имел понятия о том, кем был этот слепой уродец, но его отчаяние нашло живой отклик в суровом сердце киммерийца. Он понимал, что видит жертву ужасной трагедии, и ему стало стыдно, словно вина всего человечества обрушилась на его плечи.

— Я не Яра, — сказал он тихо. — Я всего лишь вор и не причиню тебе зла.

— Подойди ближе... Хочу до тебя дотронуться, — прогудело существо, и юноша доверчиво подошел, совершенно забыв об обнаженном мече в своей бессильно опущенной руке.

Хобот вытянулся и осторожно погладил лицо и плечи варвара, его прикосновение было легким и мягким, похожим на касание детской руки.

— Ты не из этого подлого племени, — выдохнуло существо. — У твоего лица чистые черты сына степей. Я знаю твой народ, знаю давно, еще с тех пор, когда он носил иное имя, а в небо вонзались остроконечные башни исчезнувших навсегда цивилизаций. У тебя на руках кровь...

— Паука из комнаты наверху и льва из сада, — неохотно произнес Конан.

— Сегодня ночью ты также убил человека, — настаивало существо, — и на крыше Башни тоже... Я чувствую смерть...

— Ты прав, — пробормотал Конан. — Там лежит труп короля воров, убитого пауком.

— Да! Да! — дрожащий монотонный голос звучал завораживающе. — Кровь в таверне и кровь на крыше — я знаю, я чувствую это. Третья жертва сотворит колдовство, о котором и не снилось Яре! О да, клянусь зелеными богами Ягг, это будет великое колдовство, колдовство освобождения!

Слезы снова потекли из невидящих глаз, а измученное тело содрогнулось, с трудом повинуясь эмоциям, бурлящим в его уме. Конан ошеломленно смотрел. Слепец немного успокоился и продолжал:

— Послушай, человек! — сказал он. — Я кажусь тебе отвратительным чудовищем, не так ли? Нет, не отвечай, — я знаю это. Но я, если бы смог тебя увидеть, подумал бы о тебе то же самое. Кроме Земли существует огромное множество иных миров и жизнь развивается на них в самых разных формах. Я не бог и не демон, я сотворен из плоти и крови как и ты, хотя тело мое немного отличается от твоего и сложен я несколько иначе. Я очень стар, о сын степей!

Давно, много тысяч лет назад я прилетел на Землю с далекой зеленой планеты Ягг, кружящей в вечности на краю этой галактики. Восстав против жестоких правителей Ягг, мы проиграли и были вынуждены спасаться бегством. Пронзая пространство, мы быстрее света перенеслись на наших могучих крыльях на вашу планету. Дорога назад оказалась отрезанной, ибо мы лишились здесь своих крыльев и навсегда распрошались с материнской планетой. Мы долго сражались с ужасными хищными формами жизни, господствовавшими тогда на Земле, и победили — нас остали в покое в том уголке джунглей Востока, где мы поселились. Мы наблюдали за тем, как обезьяна постепенно превращалась в человека, как росли и обретали могущество великие города Валузии, Камелии, Киммерии. Мы видели, как шатались троны этих королевств под напором атлантов, пиков и лемурийцев. Мы были здесь тогда, когда океан всколыхнулся и затопил их, погубив старую цивилизацию. Уцелевшие пикты и атланты основали империю, распавшуюся позднее в кровавых междоусобицах. Шли века, пикты погрузились в бездну дикарства, а атланты деградировали до уровня обезьян. Из ледяных северных стран потянулись на юг новые человеческие расы, основавшие новую цивилизацию, заложив королевства Котх, Немедию, Аквилонию. Мы видели все это.

Мы наблюдали за тем, как твой народ объединялся под новым именем

на землях, принадлежавших ранее Атлантиде, как потомки тех лемурийцев, что пережили катаклизм, основали на западе свое королевство — Гирканию. Мы видели также, как потомки древней, еще доатлантской расы снова обрели могущество и воздвигли свое королевство — Замору. Сотни лет мы наблюдали за людьми, не вмешиваясь в их дела и умирая один за другим, ибо и мы, пришельцы, смертны, хотя живем так же долго, как звезды. В конце концов я остался в одиночестве среди руин святилища, затерянного в джунглях Кхитая, грезя об ушедших временах, чтимый подобно богу древней расой желтокожих. Вот тогда-то и появился Яра, поднаторевший в искусстве черной магии, передававшейся с незапамятных времен от отцов к детям в их роду. Вначале он сидел у моих ног и внимал моим рассказам. Однако то чистое знание, которое я передавал ему, не удовлетворяло его, он жаждал мрачных тайн черной магии, чтобы стать могущественней всех земных королей и досыта потешить свою непомерную гордыню. Я не выдал ему ни одного из тех секретов тайных наук, что помимо воли усвоил за эти долгие годы. Но его жажда власти оказалась сильнее, чем я мог предположить. Коварный трюк, почерпнутый им в склепах Стигии, помог ему вырвать из моих уст тайну, которую я не собирался открывать, и он пленил меня, используя магическую силу. О боги Яgg, какими горькими стали с тех пор мои дни! Он увез меня из джунглей, где серые обезьяны танцевали под звуки пищалок желтокожих жрецов, а на полуразрушенных алтарях, воздвигнутых в мою честь, громоздились подношения из овощей и фруктов. Так, из бога любимого мной народа я превратился в раба злого демона.

Из слепых глаз вновь покатились слезы.

— Он заключил меня в эту Башню, построенную мною же по его приказу за одну ночь. Он огнем и железом, а также ужасными пытками, сути которых даже не сможешь понять, сломил мою волю. Испытывая столь жестокие муки, я давно бы уже с радостью расстался с жизнью, если бы только мог. Но он держит меня здесь — изнуренного, ослепленного, сломленного, чтобы я исполнял его желания. И я триста лет повиновался ему, отягощая свою бессмертную душу неслыханными преступлениями и обращая во зло все свои знания, но другого выбора у меня не было. Однако, ему не удалось вырвать из меня все тайны, и теперь я научу тебя Магии Крови и Алмаза. Я чувствую, что мой конец близок. Ты — рука судьбы. Прошу тебя, возьми алмаз с того алтаря.

Конан повернулся и направился к алтарю из золота и слоновой кости. На алтаре лежал огромный продолговатый камень. Увидев этот прозрачный

пурпурный кристалл, киммериец понял, что перед ним то самое знаменитое Сердце Слона.

— Створим же колдовство, которого Земля не видела и не увидит больше миллионы лет. Я заклинаю моей кровью, моим телом, рожденным на зеленой груди Ягг, планеты, сонно плывущей в безбрежных пространствах великого Космоса... Подними меч, мой друг, И вырежи им из моей груди сердце. Затем сожми его так, чтобы кровь брызнула на красный камень. Спустись вниз по лестнице и войди в эбеновую комнату, где лежит Яра, погруженный в мрачные сны, навеянные черным лотосом. Окликни его по имени и он очнется. Положи тогда перед ним этот алмаз и скажи: "Ягг-коша посыпает тебе последний дар и последние чары". И тут же уходи из Башни. Не сомневайся — дорога будет свободной. Ягги живут по-иному, и умирают иначе, чем люди. Помоги мне выбраться из проклятой темницы искалеченного слепого тела, и я снова стану Ягахом из Ягга, с великолепными крыльями, готовыми к полету и ногами, способными прыгать и танцевать, с зоркими, замечающими все вокруг глазами и могучими руками!

Конан нерешительно подошел к существу, называвшему себя Ягг-коша, или Ягахом, и тот, чувствуя его неуверенность, показал ему место, куда следует ударить мечом. Конан стиснул зубы и глубоко вонзил меч в зеленое тело. Кровь хлынула на руку юноши. Ягг-коша содрогнулся в конвульсиях и затих. Убедившись, в том что жизнь покинула тело пришельца, Конан приступил к печальной работе, и вскоре в его руке оказалось то, что служило сердцем этому удивительному существу, хотя ничем не напоминало соответствующий орган человека. Оно еще пульсировало, когда варвар сжал его двумя руками, держа над сверкающим алмазом. Упругая струя зеленой крови ударила в камень. К удивлению Конана она не скатилась по граням, а полностью впиталась кристаллом, словно губкой.

Бережно зажав алмаз в ладони, Конан повернулся и пошел к выходу. Он не оглядывался, ибо ему казалось, что тело на мраморном ложе претерпевает некую метаморфозу, видеть которую людям не следует. Он закрыл за собой сердоликовую дверь и направился вниз по серебряной лестнице. Ему и в голову не пришла мысль о том, что ничего не мешает ему нарушить обещание, данное Ягаху. Остановившись перед дверью из красного дерева, на которой щерился в жуткой улыбке голый человеческий череп, киммериец осторожно толкнул ее и заглянул за порог. В комнате с эбеновыми стенами на черном бархатном ложе, окутанном облаком желтоватой пыльцы лотоса, покоилось худощавое тело Яры — великого мага и волшебника. Маг лежал, вглядываясь широко открытыми глазами

вдаль, в некую бездонную пропасть, недоступную людскому пониманию.

— Яра! — громко произнес Конан, подобно судье, изрекающему смертный приговор. — Проснись!

Глаза волшебника сразу же приобрели осмысленное выражение, стали холодными и свирепыми, похожими на ястребиные. Маг запахнул плотнее свои бархатные одеяды и встал, нависая всем своим длинным телом над киммерийцем.

— Собака! — прошипел он, подобно разъяренной змее. — Что тебе здесь надо?

Конан положил алмаз на огромный эбеновый стол.

— Тот, кто послал тебе этот камень, велел сказать: "Ягг-коша шлет тебе последний дар и последние чары".

Яра отшатнулся, и его лицо стало пепельным. Алмаз помутнел, в его глубине зажегся огонек, который постепенно залил пульсирующим светом весь кристалл, по граням его проплывали странные разноцветные волны. Яра, словно его тащила вперед какая-то неведомая магическая сила, наклонился над столом, и скав алмаз руками, впился в него немигающим взором.

Наблюдавший за ним Конан подумал, что его обманывает собственное зрение. Яра, казавшийся прежде великанином, теперь с трудом достал бы головой до груди юноши, если бы встал рядом. Конан моргнул несколько раз и впервые за эту ночь стал сомневаться в собственном рассудке. До него вдруг дошло, что маг съеживается у него на глазах, с каждым мгновением уменьшаясь в размерах. Киммериец уже ничему не удивлялся, он осознавал, что наблюдает действие сверхъестественных сил, недоступных его пониманию.

Маг стремительно уменьшался, теперь он уже лежал на столе, словно младенец, все еще сжимая в руках алмаз. Яра наконец понял, что его ожидает, вскочил на ноги и отбросил в сторону зловещий камень. Несмотря на это, он все же продолжал уменьшаться, и вскоре превратился в миниатюрного гномика, мечущегося по столу, размахивая руками в бессильной злобе и вереща голосом, напоминавшим комариный писк. Сердце Слона возвышалось над ним, подобно горе. Потрясенный Конан увидел, что волшебник прикрывает руками глаза, как бы стараясь уберечься от нестерпимого блеска, и шатается из стороны в сторону, точно пьяный. Казалось, некая невидимая сила притягивала Яру к алмазу. Трижды он пытался превозмочь его силу и убежать на другой конец стола, но лишь оббежал камень по дуге, приближаясь к нему все ближе и ближе, затем взвизгнул от ужаса, выбросил руки вперед и со всех ног помчался на

алмаз.

Наклонившись над столом, Конан увидел Яру, с трудом карабкавшегося по гладкой грани кристалла; вот он добрался до вершины и распростер руки, призывая на помощь таинственные силы, ведомые ему одному, но, словно втянутый водоворотом, исчез в недрах камня, поглощенный волной переливающихся цветов и оттенков. Алмаз снова посветлел, стал прозрачным, и Конан увидел мага в самом его центре. Киммериец не отрывал глаз от камня, и ему казалось, что все, что он там видит, происходит невероятно далеко отсюда, в ином измерении.

Внутри кристалла появилась зеленая фигурка с головой слона и великолепными крыльями за плечами. Яра убегал от нее, сломя голову, а мститель мчался за ним по пятам. Вдруг огромный алмаз лопнул как мыльный пузырь и разлетелся на тысячи разноцветных искр. Крышка стола из черного дерева опустела так же, как мраморное ложе, на котором покоилось когда-то тело удивительного существа родом из космоса, по имени Ягг-коша, или Яггах.

Киммериец выбежал из комнаты и кубарем скатился вниз по лестнице. Потрясеному до глубины души варвару и в голову не пришло, что следовало бы бежать тем же путем, что он проник в башню. Крутая лестница привела его в просторное помещение в цоколе Башни. На мгновение он остановился. Это была караульная. Пламя факелов отражалось в полированных кирасах гвардейцев, поблескивали инкрустированные рукояти мечей. Часть стражников сидела за столом, склонив на грудь головы в гребнистых шлемах, другие неподвижно лежали на полу из ляпис-лазури среди беспорядочно разбросанных кружек и опрокинутых бурдюков с вином. Он знал, что все они мертвы. Яггах обещал, и сдержал свое слово — стража уснула навеки, когда на нее пала тень огромных зеленых крыльев. Конан недолго размышлял над тем, какие чары помогли ему выбраться из Башни, — за серебристой дверью, открытой настежь, уже занимался рассвет.

Киммериец углубился в гущу сада, а когда утренний ветерок донес до его ноздрей бодрящий запах сырой земли, встряхнулся, как бы отметая остатки кошмарного сна и зашагал быстрее. Что же это было? Была ли Башня действительно заколдована, или все это ему только приснилось? Оглянувшись в очередной раз, он увидел, что стройное здание, четко обрисованное на фоне предрассветного пурпурного неба клонится к земле, а его усыпанная драгоценными камнями верхушка расплывается в лучах восходящего над горизонтом солнца. Послышался оглушительный треск, и Башня Слона рассыпалась в прах.